

УДК 821.161.1.09"1917/1991

«ЦИНИЗМ НЫНЕШНИХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ПРЯМО НЕВЕРОЯТЕН»: СЛУЧАЙ ВАЛЕНТИНА КАТАЕВА¹*М.А. Литовская*

Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, 620002, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
marialiter@gmail.com

Рассмотрено творческое поведение Валентина Катаева – автора классических текстов советской литературы. Репутация конформиста и циника, закрепившаяся за этим писателем, связывается с его демонстративным конформизмом как специфической формой самозащиты, позволяющей оставаться относительно независимым в своем художественном творчестве.

Ключевые слова: литературный процесс, конформизм, русская литература XX века, В.П. Катаев.

Первая часть названия статьи – известная цитата из одесского дневника И.А. Бунина периода Гражданской войны, непосредственно связанная с его начинающим коллегой Валентином Петровичем Катаевым. Продолжение цитаты свидетельствует скорее о позерстве молодого человека: «Говорил: “За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...”» [Бунин, 1987, с. 33]. Однако определение Катаева как циника широко используется, когда нужно подтвердить порочность жизненного пути одного из самых известных советских писателей.

Литературная жизнь в СССР была организована таким образом, что оставляла ее участникам немного возможностей для выбора линии творческого поведения. Абсолютная централизация издательской деятельности, редактора, превращенная в род цензуры, критика как дополнительная форма политического контроля и пропаганды, литературоведение как полностью контролируемая сфера идеологического давления были реалиями, которые было невозможно обойти. Несогласие с советской властью предполагало или эмиграцию (как вариант – «тамиздат»), или письмо «в стол», или уход из литературы. Чтобы официально публиковаться в СССР, необходимо было выражать согласие с государственной точкой зрения, а с 1932 г. еще и готовность работать в рамках «единого творческого метода» – социалистического реализма.

Однако при общих векторах самоопределения житейское и творческое поведение писателей все же различалось, специфически дискурсивно оформлялось и вызывало разную реакцию у окружающих. В настоящей статье мы не ставим перед собой задачу выявить разнообразие форм поведения советских художников, вписавшихся в советскую социальную, идеологическую и эстетическую систему. Наша цель – дать общий абрис одного из симптоматичных случаев – творческого поведения Валентина Катаева.

Литературный долгожитель (1912–1986), создатель десяти томного собрания избранных сочинений, Катаев является автором как минимум нескольких классических текстов отечественной литературы. Включены в школьную программу книги для детей «Белеет парус одинокий», «Сын полка» и сказка «Цветик-семицветик». Комедия «Квадратура круга» до сих пор успешно идет в театрах, роман «Время, вперед!» неизменно называют среди лучших отечественных произведений романов. «Столп соцреализма», Катаев в 1960-е гг. пишет так называемую «новую прозу» – своего рода мост, соединяющий модернизм, реализм, постмодернизм – три ведущие художественные системы XX в. Кроме того, именно Катаев создал в том виде, в каком оно существовало до середины 1980-х гг., одно из самых популярных в СССР литературно-художественных изданий – журнал «Юность».

Казалось бы, у Катаева немало заслуг перед русской литературой. К тому же его книги – и не только связанные со школьной программой – находят читателей до сих пор. Однако мало было в русской литературе XX в. писателей, кого характеризовали бы с такой неприязнью не только при жизни, но и после смерти. Даже долголетие писателя вызывало подозрение в особой живучести: «Судьба сводила меня с разными писателями, занимавшими значительное место в литературе. Ро-

дились многие почти одновременно, в последнее десятилетия прошлого века... А вот умерли в разном возрасте. И только единственного из них, Валентина Катаева сохранила жизнь. Катаеву семьдесят семь лет. Эренбург не дожил до его возраста лет десять. Лавренев и Паустовский – тринадцать. Зощенко – двадцать четыре года... Катаев умеет жить!» [Мечик, 1984, с.77].

Даже явный талант писателя признается неполноценным: Катаев всего лишь «мастер описания», лишенный способности к философствованию или социальному анализу. По словам А.Кондратовича, сотрудника «Нового мира» – журнала, где печаталась «новая проза» В.П. Катаева, тексты его публиковали вопреки желанию А.Твардовского: «Прекрасный сосуд, но нет там не только радищевской царской водки или спирта, но и винца нет... Катаев мастер описания, какую-нибудь дверную ручку или ботинок он опишет с поразительной точностью, но люди у него зыбки или плакатны <...> понимание людей ему не дано. А о народной жизни и говорить нечего» [Кондратович, 1991, с.71].

Для многих современников Катаев был воплощением конформизма, доходящего до цинизма, человеком, который «всю жизнь служил режиму, коверкал свои произведения, наступал на горло собственной песне, сочинял всякое конъюнктурное барахло» [Довлатов, 1984]. Приведем один из вариантов такого жизнеописания: «В начале 1920 года в Одессу, родной город Валентина Катаева, на десятки лет пришла Советская власть. С поздней осени того же года Валентин Катаев усердно и непрерывно служил образцовым “хорошим советским писателем”. Славил Ленина, славил революционеров 1905 года, бесконечно славил Октябрь, участвовал вместе с рядом других литературных чудо-богатырей в коллективном сочинении, воспевающем подвиги ОГПУ по перевоспитанию эзков на Беломорканале, требовал вместе с прочими смертной казни троцкистско-зиновьевским выродкам в 1937, когда партия приказала требовать, осуждал Пастернака по ее очередному приказу в 1958, когда она приказала осуждать – словом, сладкий кусок отработывал сполна. Образцовым в этом отношении его признавала не только Советская власть – чинами и наградами – но и свои же братья-писатели, правда, уже не обязательно в столь же приятной форме.

Бабель (надо сказать, вот уж это был вполне нечеловек: даже не недо-, а не-) на вопрос, почему он перестал писать, отвечал: "У меня плохой характер. Вот у Катаева хороший характер. Когда он изобразит мальчика бледного, голодного и отнесет свою работу редактору, и тот ему скажет, что советский мальчик не должен быть худым и голодным, – Катаев вернется к себе и спокойно переделает мальчика, мальчик станет здоровым, краснощеким, с яблоком в руке. У меня плохой характер – я этого сделать не могу"» [Mogultaj, 2005].

Еще более уродливой жизненной история Катаева выглядит в описании набоковского соученика, многолетнего узника ГУЛАГа Олега Волкова: «Валентин Катаев, одна из самых растленных лакейских фигур, когда-либо подвизавшихся на смрадных поприщах советской литературы. В среде советских литераторов, где трудно выделиться угодничеством и изъявлением преданности партии, Катаев все же превзошел своих коллег. Ему нужно было сначала заставить простить себе отца-офицера и собственные погоны в белой армии, потом – добиться реальных благ, прочного положения. Ради этого, в возрасте, когда, по старинному выражению, пора о душе думать, Катаев не гнушался, взобравшись на трибуну, распинаться в своей пылкой верности поочередно Сталину – Хрущеву – Брежневу, обливать помоями старую русскую интеллигенцию, оправдывать любое "деяние" власти – хотя бы самое тупое и недальновидное, – внести посильную лепту в охаивание трагического, преданным псом цапнуть того, на кого науськивают, лгать и лицемерить, льстить без меры» [Волков, 1989, с.80].

Справедливости ради, надо сказать, что у Катаева были и защитники. Наиболее лаконично их позицию выразил Виктор Некрасов: «Катаев, в первую очередь, мастер. Давайте сначала научимся писать, как он, а уж потом будем критиковать» [Гладилин, 1997, с.12]. Пострадавший от советской власти поэт Борис Чичибабин в 1969 г. написал стихотворение «Сожаление», начинающееся строфой «Я грех свячу тоской. Мне жалко негодяев, как Алексей Толстой и Валентин Катаев» [Чичибабин]. Писатель Семен Липкин, тоже пострадавший от советской власти, возразил ему: «Один даровитый поэт сочинил четверостишие, в котором бичует его (Катаева. – М.Л.) и Алексея Толстого, с фамилией "Катаев" рифмуется "негодяев". Можно понять его гражданское возмущение, но законы искусства вечные, а не временные. И Алексей Толстой, и Валентин Катаев – крупные таланты, они останутся в великой русской литературе. И вполне возможно, что в будущих академических собраниях их сочинений в примечаниях будет упомянуто имя автора этого четверостишия» [Липкин,

1997, с. 216].

Очевидно, что раздражение поведением Катаева спровоцировано обстоятельствами биографии писателя и вызвано общими условиями существования советских литераторов. Обвинители и защитники лавируют между двух полюсов: способный конформист, даровитый циник, блестящий приспособленец. Вот, пожалуй, наиболее типичные характеристики писателя, которые давали его современники и продолжают транслировать потомки: писатель блестящий, но автор-то циничный; автор-конформист, но писатель-то блестящий. Для современников Катаева было важнее первое, для нынешних писателей второе, но в любом случае к писателю предъявляют особые требования: он должен соответствовать некоему стандарту настоящего писателя, заслужить право носить это имя не только умением писать отличную прозу. Одно из важных мест в этом стандарте занимает оппозиция к государственной власти, готовность хотя бы на словах противостоять ее правилам.

Что Катаеву вменяют в вину? В первую очередь, то, что свое творчество он соотносит с запросами власть предержащих и публики. Катаев неоднократно писал, что художник должен выполнять требования того общества, в котором существует, самоопределяться и решать свои художественные задачи в рамках этих требований. Это обычная позиция профессионального литератора, в которой не было бы ничего ужасного, если бы советское общество едва ли не директивно требовало от писателей то воспевать Беломорско-Балтийский канал, то осуждать очередных врагов народа и т.д. Катаев во всем этом принимал участие. Ни на общественном, ни на художественном «фронте» Катаев не вступал в явную конфронтацию с властью.

Трактовка подобного поведения как недостойного особенно часто встречается в 1950–1970-е гг., когда позиция В.П. Катаева, сформированная во многом опасностями революционного периода, людям другой эпохи казалась совсем непонятной. Е. Эткинд в 1975 г. по горячим следам исключения Л.Чуковской из Союза писателей писал: «... когда Лидию Корнеевну исключали, так Валентин Катаев, старый и тяжело больной, специально приехал в столицу – принять участие в неприятной процедуре <...> Валентин Катаев проявил ответственность за коллектив. У него есть совет. Он понимает, что партия и правительство не зря позаботились о его славе. Не может же он бросить товарищей в беде, и вот, преодолев свою старческую немощь, он даже пренебрег глупостями, которые не преминет про него распространять вражеская печать – ну, назовут разок-другой палачом или подпалачником, брань на воротах не виснет. Зато помог своим, в трудную минуту не оставил. А эти вельможи (Д. Гранин и Ф. Абрамов. – М.Л.)... лишены поддержки, спрятаться не за кем... ведь все больше литературная плотва, на Катаева не потянет» [Эткинд, 1975, с. 156]. В многочисленных писательских заседаниях, во-первых выносились обвинительные приговоры, принимали участие едва ли не все писатели, «стоявшие на платформе советской власти», но вынужденность их действий казалась очевидной. В.Катаев же производил впечатление человека своевольного, при этом искренне и не без удовольствия исполняющего партийные предписания.

Вот рассказ писателя Николая Старшинова. Катаев в это время был редактором «Юности»: «"Послушайте, – сказал он мне как-то в коридоре. – Вот вам стихи Александра Жарова, пошлите их в набор. Сразу! Там стихотворений пять – отправьте все!" Я прочитал стихи и пришел к нему: "Валентин Петрович, а стихи-то у Жарова очень слабые..." – "Послушайте, конечно, слабые, – согласился он. – Что же вы от него хотите – хороших он не писал никогда, откуда же они у него вдруг возьмутся?" – "А зачем же тогда нам их печатать?" – "Послушайте, он встретил меня на лестнице – мы живем в одном подъезде – и сунул мне свои стихи... Куда же их теперь девать?" – "Вернуть ему, Валентин Петрович." – "Послушайте, но ведь он после этого будет нас поливать грязью на каждом углу..." – "Ну и пусть поливает!" Он недоволен и брезгливо поморщился, а потом согласился: "Ну ладно, я верну ему рукопись... Но, послушайте, вы еще совсем молодой человек и ничего не понимаете в литературных делах... Литература – это цепь компромиссов!"» [Старшинов, 1994, с. 256]. Беспринципный редактор, занимающийся протектированием бездарного поэта-чиновника, – вот образ, возникающий из повествования. Убедительный образ, если бы мы не знали, какой журнал делал это беспринципный человек.

Конформизм Катаева, как предполагалось, должен был (по)губить его талант. Но этого не произошло. Отголоски этой несостоявшейся драмы слышны в рассказе современной журналистки, доверчивой к старым слухам и устоявшимся репутациям. Представляя читателям роман В.Катаева из серии «Великие книги», она удивляется: «Самое странное, что сам Катаев был фигурой довольно противоречивой. Пожалуй, не было ни одного человека, который однозначно мог бы сказать про

него пару добрых слов, не добавив яда. И все потому, что Валентин Петрович отличался достаточно ядовитым и неприятным характером, местами даже грубым. Некоторых возмущало то, как он выслуживается перед правителями того времени – Сталиным, Хрущевым, Брежневым, чтобы остаться в шоколаде. Даже Бунин поддел своего “ученика”: «Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: “За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...”. При этом совершенно удивительно, что в своей книге Катаев абсолютно правильно расставляет моральные акценты: помогать слабым, не заниматься стукачеством, деньги – не главное, а главное – это дружба и взаимопомощь. Но, по сути, совсем не важно, каким Катаев был человеком в быту, главное, что книжку эту не стыдно дать в руки своему ребенку» [Лантева, 2011, с. 4].

«Несомненно талантливый, но рептильный и осторожный Валентин Катаев» [Альтшуллер, Дрыжакова, 1985, с. 34]. К этой характеристике, данной Е. Дрыжаковой и М. Альтшуллером, могли бы присоединиться многие. Поведение Катаева, очевидно, было уязвимо. Кроме уже перечисленного, Катаеву вменяли в вину открытый интерес к деньгам, поскольку он всегда настаивал на том, что он зарабатывает своим творчеством и содержит семью на эти средства. Его материальное положение свидетельствовало о тех возможностях, которые советская власть предоставляла устроившим ее писателям. Человек организованный, Катаев совмещал таланты писателя и литературного агента и учил этому молодых писателей. Но прямо говорить о своем интересе к деньгам было неприлично с точки зрения официального интеллигентского идеализма, выросшего из идеи искусства-служения.

Работа над «новой прозой» с ее сильным мемуарным началом принесла Катаеву еще и славу человека нескромного, лживого, примазывающегося к великим, хотя мало кто из писавших в 1960-е гг. рискнул бы обнаружить в себе говорящего кота («Святой колодец»), бесконечно мечтающего о деньгах Мальчика («Кубик») или средних дарований поэта («Трава забвения»). Любопытно, впрочем, что, когда мнение Катаева совпадает с мнениями мемуаристов и литературоведов, его охотно используют как достоверное. Во всех остальных случаях и отдельные приводимые факты, и общая интерпретация созданных писателем образов воспринимались в лучшем случае как сомнительные, а то и дискредитирующие изображенных им писателей.

Вот впечатление от катаевского соседа по даче Корнея Чуковского: «...Встретил Катаева. Он возмущен повестью “Один день Ивана Денисовича”, которая напечатана в “Новом Мире”. К моему изумлению он сказал: повесть фальшивая, в ней не показан протест. – Какой протест?! – Протест крестьянина, сидящего в лагере. – Но ведь в этом же вся правда повести: палачи создали такие условия, что люди утратили малейшее понятие справедливости. <...> В этом вся суть замечательной повести – а Катаев говорит: как он смел не протестовать хотя бы под одеялом. А много ли протестовал сам Катаев во время сталинского режима? Он слагал рабьи гимны, как и все» [Чуковский, 1993, с.392]. Позже Чуковский будет осуждать Катаева за неприятие романа Б.Пастернака «Доктор Живаго», высказанное, впрочем, на домашней читке рукописи, тогда еще не опальной.

Между тем слагатель «рабьих гимнов» совершал странные с точки зрения классического приспособленца поступки. В начале 1930-х гг. он выступил против превращения создаваемого Союза советских писателей в политическую организацию, настаивая на том, что это должен быть глубоко профессиональный союз. Поддерживал деньгами опального О. Мандельштама, а позже С. Михоэлса. В 1966 г. подписал письмо против реабилитации Сталина, в 1967 г. согласился с положениями солженицынского письма, направленного против цензуры, защищал А. Галича на собрании, где решался вопрос об исключении поэта и драматурга из Союза писателей. Практически все тексты «пресмыкающегося» Катаева, включая те, что сегодня объявлены классическими при своем появлении, были объектами жесткой критики, причем критиковалось обычно как раз недостаточное их соответствие государственной идеологической линии.

Анализ параллельно создаваемых писателем художественных и публицистических текстов приводит к мысли о четком разграничении в сознании этого человека сфер деятельности – искусства (сфера самовыражения) и службы (сфера подчинения требованиям общества, которое Катаев уравнивал с государством). Как все советские писатели, он много выступал в периодической печати, опубликовал десятки статей, в которых одобрялась партийная и государственная политика. Но сказать, как он на самом деле относился к Советской власти, мы не можем. Как публичный профес-

сионал, он считал себя обязанным служить государству-работодателю. Имелась в виду не только ежедневная работа за письменным столом, но и необходимость участия в разного рода писательских акциях, на которые была так изобретательна власть. Кроме художественной продукции нужно было выдавать определенное количество публицистических статей, интервью, очерков, выступать на собраниях, участвовать в работе выборных органов. Эта деятельность обеспечивала материальную стабильность, устойчивое общественное положение. Однако мало кому из советских писателей удавалось при этом создавать значимые для читателей тексты, интересные не только как памятники эпохи.

Катаев обладал редкой способностью относиться к политическим заказам как службе, а к литературе как форме самовыражения, и четко разводить «свое» и «заказное», не превращая эту мыслительную операцию в предмет постоянной разрушительной рефлексии. Катаев равно сдержанно приветствовал «очередные задачи советской власти» и поддерживал опального Мандельштама, цитировал в своих речах постановления партийных пленумов, а в текстах – опальных поэтов. Хороший писатель оставался для него таковым вне зависимости от отношения к нему власть имущих.

Госслужба требовала исполнения предписаний, но не могла заменить литературу. Особенно четко это проявится в редактировании им «Юности»: он делал либеральный журнал – воспитывал у молодых читателей уважение к государству, в котором они живут, а молодым авторам предоставлял максимально возможный в тех условиях уровень внутренней свободы. Не случайно позже ни один из «его» авторов (В. Аксенов, В. Амлинский, А. Вознесенский, А. Гладилин, И. Гофф, Е. Евтушенко, А. Кузнецов и другие) камня в него не кинул. Для детей «оттепели» он был человеком нездешним: стильным, остроумным, открыто амбициозным, открыто исповедующим конформизм, т.е. несоветским.

Эта способность, видимо, помогла писателю сохранить творческий потенциал до глубокой старости, постоянно наращивая профессиональные умения. Сохраненное живое начало было редким для советского писателя, жившего под мощным давлением требований эпохи и насаждаемого «большого стиля». «Из всех отобранных для благополучия, быть может, один Катаев не утратил любви к стихам и чувства литературы» [*Мандельштам*, 1989, с. 268–269].

Открытость конформизма, т.е. соглашательства с властью, проявлялась у В.П. Катаева в том, что собственно конъюнктурное допускалось в его художественные тексты на уровне поверхностно-тематическом. К очередному государственному эстетическому заказу он неизменно относится с серьезностью профессионала, перед которым поставлена новая непростая задачка: написать «популярный народный эпос» («Я, сын трудового народа»), написать текст в рамках «теории бесконфликтности» («Дорога на юг») и т.п. Он вполне бесцеремонно прикрывает актуальной советской тематикой свои художественные эксперименты. «Маленькую железную дверь в стене» – текст о том, из каких элементов складывается историческое повествование, как пишется история, он строит на материале биографии Ленина на волне «очеловечивания» вождя. Кроме того, в любом самом «заказном» его художественном тексте обязательно появляются прекрасные в своей точности и пластической выразительности описания окружающего мира, демонстрирующие уровень таланта и мастерства.

Комментарии Катаева к собственному творчеству всегда были рассчитаны на соответствие государственным ожиданиям. Это был вызов профессиональному сообществу. Писатель в соответствии с императивом интеллигенции должен быть оппозиционером власти; если это невозможно, то он должен искать с ней мучительный компромисс. Открытая самодискредитация в глазах оппозиционно настроенной части общества входила в поведенческую стратегию Катаева, видимо, ограждая от куда более серьезных – политических – обвинений. В юности он очень сильно обжегся на самоопределении через политическую деятельность. За его спиной были служба добровольцем сначала в царской, а потом в «белой» армии, участие в офицерском заговоре в Одессе. Только с конца 1960-х он начинает аккуратно рассказывать об этом периоде своей жизни, не меняя «белых» на «красных».

Мало кому из советских писателей удалось в подобной ситуации запутывания следов принять решение, конструктивное для собственного творчества. Вызывающая, можно сказать, демонстративная сервильность Катаева во всех его публичных выступлениях, кроме художественных текстов, была своеобразной формой самозащиты, непривычной для традиционного писательского поведения. Только в своих последних повестях – «Спящий» и «Сухой лиман» – он прямо выска-

жется о том, что любые занятия политикой губительны для тех, кто ею занимается, что в жизни ценность имеют только рождение, смерть, любовь, искусство и красота мира.

Мандельштам недаром говорил, что в Катаеве есть «настоящий бандитский шик». Его подчеркнуто прогосударственное поведение было своего рода вызовом, но благодаря ему Катаев получал то, что хотел: квартиру, орден, собрание сочинений, дачу, зарубежные поездки и другие материальные блага. Его открытая и равнодушная поддержка любых начинаний власти, кроме тех, которые угрожали его положению как писателя, была вызовом и по отношению к профессиональному сообществу, чего оно ему не простило. Сомнительное с точки зрения идеологически жесткого общества поведение Катаева запечатлено в многочисленных мемуарах и статьях, тогда как важное для него – его изобразительное мастерство – игнорируется или интерпретируется так, как будто никаких особых заслуг писателя в его проявлении нет, ибо он обладает всего лишь талантом описывать вещный мир и людей, а не даром пророчествовать или проявлять суть политизированного человеческого бытия.

Катаев нарушал правила поведения, принятые в российском литературном сообществе. Общество при жизни и посмертно уменьшает его символический капитал, но вложение в искусство оказалось продуктивнее: Катаев создал тексты, пафос которых – восхищение непререкаемой красотой и разнообразием мира, радость творчества и жизни – стал величайшей редкостью в русской литературе XX в. Современный читатель Авдотья Смирнова, выросшая в художественной среде, так скажет о несоответствии таланта и репутации Катаева, сгустив в своем отзыве противоречивость отношения к Катаеву себя – человека другой эпохи, и старшего поколения: «Мне кажется, он писал с наслаждением. С физическим удовольствием, с которым ел котлетки, шупал в каком-нибудь парижском магазине новую щегольскую вещь, гладил сухой горячей рукой шкаф или рояль. Он так же пробует и трогает слова, образы, сюжеты. Он их нюхает, вертит, сжимает и расправляет, надламывает, надкусывает. Он замечательно передает цвет, свет, объем, фактуру, вкус, запах, это проза даже не в 3D, а в 4, в 5. И как всякая чувственность, его художественная чувственность в шаге от распутства и уж точно вне нравственности. Черешне не нужна нравственность, а проза Катаева – черешня. ... Годам к тридцати я уже буду знать, что Каверин считал его образцом безнравственности, Булгаков ругал его за завистливость и обзывал его жопой, прочту едкие слова о нем Надежды Мандельштам и брезгливые дневниковые записи Чуковского, оба моих родителей, ни в чем друг с другом не согласные, будут единодушно называть его циником, Лидия Корнеевна Чуковская, наш интеллигентский Савонарола, напишет о нем едва ли не с ужасом – а я впервые попробую читать катаевскую прозу. И не перестану ее читать уже никогда» [Смирнова, 2011, с. 18]. Посмертная статья о В. Катаеве В. и О. Новиковых называлась «Зависть» и в ней высказывалась следующая мысль: «Может быть, теперь пришла пора выставить ведущим писателям уходящего века отдельные оценки за творчество и за политическое поведение. А может быть, и признать, что существуют две литературы – идеологическая и собственно художественная, что совпадают они в довольно редких случаях» [Новиков, Новикова, 1997, с. 220].

Примечания

¹ Статья выполнена в рамках гранта РГНФ № 13-23-08002 «Трансформации в литературных полях СССР и Франции: циркуляция «левой идеи» в период с середины 1920-х до середины 1950-х годов».

Библиографический список

- Альшиуллер М., Дрыжакова Е. Путь отречения: Русская литература 1953–1968. СПб., 1985.
Бунин И. Окаянные дни. М., 1991.
Волков О. Погружение во тьму. М., 1989.
Гладилин А. Век мастера // Лит. газ. 1997. 29 янв.
Довлатов С. Чернеет парус одинокий // Семь дней. 1984. №46. URL: <http://dovlatov.newmail.ru/books/cherneet.html> (дата обращения: 15.07.2013).
Кондратович А. Новомирский дневник. 1967–1970. М., 1991.
Лаптева Е. Новая коллекция «Великие книги». В. Катаев «Белеет парус одинокий» // Комс. правда. 2011. 28 апр.
Липкин С. Катаев и Одесса // Знамя. 1997. № 1.
Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1989.

- Мечик Д.* Выбитые из колеи: литературные встречи. N.Y., 1984.
Новиков В., Новикова О. Зависть // Новый мир. 1997. № 1.
Смирнова А. Сияющий кокошник // Большой город. 2011. 13 июля.
Старшинов Н. Что было, то было // Согласие. 1994. № 1.
Чичибабин Б. Сожаление. URL: <http://chichibabin.ru/stihi/38.htm> (дата обращения: 15.07.2013)
Чуковский К. Дневник. 1901–1969. М., 2003.
Эткинд Е. Наши присяжные // Континент. 1975. № 7.
Могутай. Гражданская война Валентина Катаева// Удел Могултая. URL: <http://www.wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=babl;action=display;num=1126196269> (дата обращения: 15.07.2013)

Дата поступления рукописи в редакцию 08.06.2013

THE CYNICISM OF TODAY'S YOUTH IS JUST INCREDIBLE: A CASE OF VALENTIN KATAEV

М. А. Litovskaya

Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University, Turgenev str., 4, 620002, Ekaterinburg, Russia
marialiter@gmail.com

Literary life in the USSR was organized in such a way that it left little opportunity for its participants to select a line of creative behavior: the subordination to strict ideological and aesthetic requirements - work "into the desk drawer" - emigration – silence. However, the types of personal and creative behavior were qualitatively different among writers. The paper analyses one of the symptomatic, but not too typical, cases – that of Valentin Kataev. During his long literary life (1912 - 1986) he wrote ten volumes of literary texts, some of which became classic of Russian literature. His outstanding talent is recognized both by readers and experts, but he has an enduring negative reputation of a conformist and a cynic. The author suggests that Kataev's discredit among the opposite part of society was a part of his behavioral strategy to avoid more serious political charges.

Demonstrative conformism which didn't match the accepted rules of behavior was a specific form of Kataev's self-defense that allowed him to remain relatively artistically independent in the face of fierce ideological and aesthetic pressures.

Key words: literary process, conformism, Russian literature of the XX century, Valentin Kataev.

References

- Al'tshuller M., Dryzhakova E.* Put' otrecheniya: Russkaya literatura 1953–1968. SPb, 1985.
Bunin I. Okayannye dni. M., 1991.
Volkov O. Pogruzhenie vo t'mu. M., 1989.
Gladilin A. Vek мастера // Lit. gaz. 1997. 29 yanv.
Dovlatov S. Cherneet parus odinokiy //Sem' dney. 1984. №46. URL: <http://dovlatov.newmail.ru/books/cherneet.html> (data obrashcheniya: 15.07.2013)
Kondratovich A. Novomirskiy dnevnik. 1967 – 1970. M., 1991.
Lapteva E. Novaya kolleksiya «Velikie knigi». V.Kataev «Beleet parus odinokiy // Koms. pravda. 2011. 28 apr.
Lipkin S. Kataev i Odessa //Znamya. 1997. № 1.
Mandel'shtam N. Vospominaniya. M., 1989.
Mechik D. Vybitye iz kolei: literaturnye vstrechi. New-York, 1984.
Novikov V., Novikova O. Zavist' // Novyy mir. 1997. № 1.
Smirnova A. Siyayushchiy kokoshnik // Bol'shoy gorod. 2011. 13 iyulya.
Starshinov N. Chto bylo, to bylo // Soglasie. 1994. № 1.
Chichibabin B. Sozhalenie. URL: <http://chichibabin.ru/stihi/38.htm> (data obrashcheniya: 15.07.2013).
Chukovskiy K. Dnevnik. 1901 – 1969. M., 2003.
Etkind E. Nashi prislyazhnye // Kontinent. 1975, № 7.
Mogultaj. Grazhdanskaya voyna Valentina Kataeva// Udel Mogultaya. URL: <http://www.wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=babl;action=display;num=1126196269> (data obrashcheniya: 15.07.2013).